

УРОБОРОС

*Посвящается моим друзьям,
Петру и Инне*

Этери Чаландзия

УРОБОРОС

Москва
2014

УДК 82-311.2
ББК 84(2=411.2)6-44
Ч-16

Редактор Роза Пискотина

Чаландзия Э.

Ч-16 Уроборос / Этери Чаландзия. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 310 с.

ISBN 978-5-91671-289-6

Все счастливые сказки о любви заканчиваются словами: «И жили они долго и счастливо». Примерно с этого момента начинается действие нового романа известного журналиста и прозаика Этери Чаландзия. Любовь оказывается испытанием, преодолеть которое под силу немногим. В драматическом развитии сюжета и чередовании напряженных внутренних монологов от лица мужчины и женщины — щемящее чувство непростительной потери, предчувствие неотвратимой трагедии. «Не всех можно отпускать и терять. Не со всеми можно просто так расставаться». Этот роман — страстная и отчаянная попытка понять, что ведет любящих друг друга людей к точке невозврата и можно ли остановить разрушительную стихию гибели отношений.

УДК 82-311.2
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-289-6

© Э. Чаландзия, 2014
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

*Хочу сказать большое спасибо моему редактору
Розе Пискотиной. Каждая наша совместная
работа — для меня большая человеческая
и профессиональная удача.*

В любви всегда есть немного безумия.
Но и в безумии всегда есть немного разума.

*Фридрих Ницше.
Так говорил Заратустра*

Ярость, подобно опухоли, порождает больная
и страдающая часть души.

Плутарх

Зима в тот год началась рано и внезапно. Уже в сентябре выпал первый снег, к октябрю все занесло метелью, а к ноябрю зима, похоже, устала от самой себя. Сугробы почернели и оплыли, приступы морозов чередовались с кислой оттепелью, наступило темное время, и конца и края ему не предвиделось. Той зимой все и началось. Хотя, конечно, началось все значительно раньше.

~

Желание уехать появилось внезапно. За завтраком Нина долго рассматривала густое кофейное пятно на дне чашки. Ее напугала мысль о том, что это и есть ее будущее — бессмысленная и стремительно остывающая тьма, в которой ничего не разобрать. Телефон лежал под рукой. Она не любила летать, заказала билеты на поезд, обо всем договорилась, отключила связь и допила остывший кофе. Нина посмотрела на настенные часы. На все про все ушло пять минут.

Что-то гнало ее прочь из города. Но что? Егор довольно спокойно выслушал сбивчивый рассказ о том, что она хочет уехать, сменить обстановку, подумать, погулять. Ей пришло в голову, что она ведет себе, как женщина, которая срывается к любовнику и мямлит чушь, чтобы объясниться и замести следы. Но Егор и бровью не повел. На мгновение Нине показалось, что он даже

рад ее внезапному отъезду. Она было насторожилась, но он вовремя вернул, что все понимает — ей надо, хорошо, ничего страшного, в воскресенье утром он ее встретит. Если не сможет, закажет такси на вокзал. Конечно, поезжай, все в порядке.

И Нина поехала. Вот только все было далеко не в порядке.

~

Они поженились почти десять лет назад. В осенних парках густо пахло грибами и опавшими прелыми листьями. Утром сходили в загс, там обо всем было договорено заранее, расписались в толстой книге перемен и вышли из мрачного здания уже мужем и женой. Вечером выпили в компании друзей, чуть не забыли, по какому поводу собрались, приняли в подарок забавную деревянную птицу с выпученными то ли от счастья, то ли от ужаса глазами, посмеялись и разошлись. Позже они отметились одной большой глупостью, вернее, глупостью ее считала Нина. Егор всегда только отмахивался.

Вместо свадебного путешествия они уехали в деревню к друзьям Егора. Он любил гостить в их доме на краю леса, в двухстах километрах от города, в глубине Калужской области. Даже непродолжительный побег из столицы давал ему ощущение свободы и покоя. В тот раз их поселили в домике для гостей, небольшой избе на краю участка. Окна комнаты выходили в сосновый бор. Ночью деревья поскрипывали от ветра, и Нине снился корабль в сто мачт, дрейфующий в бухте под звездой. В те дни они редко выходили из дома, снаружи шел дождь, а внутри было уютно и тихо, вкусно

пахло поленьями и пьяным яблоком. Чувство покоя и тепла стремилось к абсолюту, постель не отпускала, и молодоженам казалось, что жизнь с ее жесткой хваткой отступила и дала им передышку.

У хозяев дома, театральных художников Альберта и Лили, подрастали два бойких бандита сына. В ту осень малышей отвезли бабкам, чтобы взрослые могли немного отдохнуть и спокойно провести время вместе. Альберт с Егором были знакомы еще со студенческих времен, и поначалу Нина ощущала некоторую неловкость в присутствии друзей. Понятно, что не ее первую Егор привез в этот загородный дом. Но, в конце концов, она все-таки была его женой, да и вели себя все легко и непринужденно, и вообще, бывают времена, когда почти все совершенно неважно. Постепенно Нина и думать забыла о том, сравнивают ли ее здесь с кем-то другим и так ли она хороша, как этот самый кто-то другой.

Гораздо больше ее заинтересовал дом Альберта и Лили. Он был похож на декорацию, в которой люди как будто играли свои роли. Сидя внизу на безразмерном диване под названием «логово», заваленном пледами, коврами и подушками со всего света, Нина часами могла рассматривать развешенные по стенам маски, рисунки, эскизы, макеты и фотографии. Несколько вещей оказались у Нины в фаворитах. Две короны Ричарда III, словно сплетенные из ветвей кустарника. Одна была немного больше другой, у актеров двух составов оказались разных размеров головы. Еще двусторонний ящик-вертеп с десятками маленьких фигурок

из папье-маше табачного цвета. На одной стороне располагались фигурки радости, на другой – печали. И можно было до бесконечности крутить ящик, изучая пластику счастья и отчаяния бесполох человечков.

Третьей приманкой для Нины стала дверь в конце длинного коридора. Небольшая, ладная, с ковкой и цветочным орнаментом по краю. На вопрос, что за дверь и куда ведет, Лиля растеряно подергала ручку и с удивлением сказала, что сама не знает. Позвали Альберта, тот тоже сначала в недоумении изучал предмет, потом вспомнил, что дверь – фальшак, ей сто лет, притащили с какого-то спектакля, пожалели выбрасывать, прибили гвоздями к стене в темном месте и все тут. И вообще, пошли за стол, хватит всякой ерундой заниматься. За стол они все в тот раз, конечно, пошли, но Нина втихаря продолжила крутиться у странной двери. Странной, потому что была она именно закрыта, а не прибита гвоздями.

Время текло легко и незаметно. Вечерами они все вместе ужинали, выпивали, играли в карты, возились с ленивой дворняжкой Джульеттой, пекли картошку в камине, ближе к полуночи затягивали песни. Нина с хмельным старанием выводила: «Ой, мороз, мороз...» и представляла себе, как дом с таинственной дверью в никуда, прицепившись к краю земли, летит сквозь холодный космический мрак, оглашая вечную ночь нестройным счастливым пением.

Однажды утром немного распогодилось, и они с Егором решили прогуляться. Они нашли церковь на краю деревни. Обошли несколько раз. Она казалась

заброшенной. Дверь почти вросла в притолоку, в мутных окнах отражалось только серое небо, в потухшей маковке не отражалось ничего. Неизвестно откуда вдруг выпал черный кот, уселся на ветхом полуразрушенном крыльце и уставился на них подозрительным желтым глазом. Они уже собирались было уходить, как вдруг дверь легко отворилась, и на пороге встал молодой парень. Что-то здесь было не так, Нине показалось, что он не в настоящем облачении, а в маскарадном костюме, но это и правда был батюшка. Посетовал на безденежье и запустение и пригласил в храм «на экскурсию». Они покорно выслушали печальную историю старого прихода с пятью старухами и вечной угрозой обрушения крыльца и крыши. Внутри храм оказался светлым и ухоженным. Высокие белые потолки круто забирали вверх, на стенах просматривались остатки фресок, голоса звучали гулко, шаги отдавались эхом.

На колокольню Нина отказалась забираться наотрез. Она увидела крутую кривую лесенку, похожую на лисью нору в один конец, и сказала, что подождет внизу. Пока она гуляла вокруг крыльца, Егор с таким энтузиазмом звонил в колокол, что распугал всех ворон над деревней. Даже облака слегка разошлись, и в просвет с любопытством выглянуло солнце. Церковный кот и тот ненадолго отвлекся от своих блох и тоже с удивлением посмотрел куда-то вверх.

Вернулся Егор очень довольный. На вопрос Нины ответил, что ему понравилось и что вид сверху вдохновляющий. Однако было что-то еще. От Нины не укрылись

заговорщические взгляды, которыми они обменялись с батюшкой на прощанье.

Прошло несколько дней, Нина чувствовала всеобщее радостное оживление и немного злилась оттого, что не могла его разделить. Ее расспросы не увенчались успехом, все удивленно таращили глаза и разводили руками, и она окончательно убедилась в назревании какой-то интриги. В то утро Егор, разбудив Нину, долго обнимал и целовал, а потом попросил надеть на глаза повязку. Нина насупилась, поворчала, но в его голосе было столько радостной мольбы, что она согласилась. Егор накрутил ей на голову какой-то платок, попросил не подглядывать, довериться ему и ничему не удивляться.

Дальнейшее напоминало сон во сне. Вокруг Нины закрутился какой-то странный мир из запахов, звуков и прикосновений. В нем она была как кукла, беспомощная и бестолковая. Егор умолял ее расслабиться и не мешать, но Нина не сдавалась. Когда она поняла, что и правда будет много легче, если она перестанет подозрительно тянуть руки во все стороны, принявшись и прислушиваться, дело пошло быстрее.

Для начала ее одели во что-то явно чужое. Она пожаловалась, что в рукаве жмет и в боку колет, но Егор только поцеловал ее в лоб. Дальше была еще какая-то возня, шепот и тихие переругивания, потом все вышли из дома и отправились в поход. Альберт и Лиля поддерживали Нину с обеих сторон, но Егору вскоре надоело гадать, на каком повороте она свалится в кусты, он подхватил жену на руки и бодро зашагал вперед по слегка подмо-

роженной тропинке. Спустя некоторое время они зашли в помещение. У Нины в тревожном предчувствии сжалось сердце. Здесь было жарко, пахло ладаном, слышалось шевеление толпы и потрескивание свечей. Егор снял повязку с ее глаз.

В белом платье она стояла перед алтарем. Рядом Егор, друзья и незнакомые люди за спиной в казавшейся теперь огромной церкви. Молодой священник внимательно посмотрел на них, кивнул и начал службу.

Мерно гудел его голос, за клиросом тихо пел хор, друзья держали над их головами венцы — те самые короны Ричарда III, на ней было платье Офелии, на Егоре сюртук Моцарта, и от жары и ладана у Нины начала кружиться голова. Ей казалось, что алтарь раскачивается в воздухе, то приближается, то медленно удаляется. И голос священника то звучит совсем рядом, то затихает где-то вдали. Она достояла до конца. Их благословили. Они поцеловались. Короткая процессия двинулась к выходу. На пороге на их головы посыпался рис вперемешку с конфетти. Собравшиеся оживленно галдели, кто-то фотографировал, кто-то утирал слезы, кто-то был уже пьян и счастлив. И все бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Нина и Егор были некрещеными.

Нина знала, что религиозность Егора всегда стремилась к нулю. Ее, впрочем, тоже. Она понимала, что он мог соврать, умолчать, в конце концов, просто заплатить священнику. И вот теперь, когда их без лишних вопросов обвенчали, подозрение, что они совершили ошибку, не отпускало.

Как Нина и предполагала, Егор ее не понял. Он придумал и устроил нечто особенное. То, что наверняка они оба запомнят навсегда. Остальное не имело значения. Нина не знала, во что верил Егор, но догадывалась, что меньше всего он верил в человека.

Нехорошее предчувствие преследовало, она упрекала себя за то, что доверилась Егору и не сняла повязку. Однако терзаться бесконечно невозможно. Постепенно тревога ослабела и жизнь, как река, потекла дальше, похоронив на своем дне еще одну человеческую глупость.

~

Нина втокнула небольшой саквояж в купе и с силой захлопнула тяжелую дверь. Щелкнул замок, и она разрыдалась. Да что же это такое, в самом деле? Совсем расклеилась. Она утерла слезы и села у окна. До отхода поезда оставалось еще полчаса.

~

Жили беспокойно, но весело. Они были очень разными: он стоял обеими ногами на земле, а она вечно витала в облаках. Но и Егор кое-что понимал про облака, и Нина, как могла, старалась заземлиться. После женитьбы переехали в небольшую квартиру на Тишинке. Она принадлежала семье Егора и долгое время пустовала. Нина пришла в восторг, увидев это ободранное и запущенное жилье с разохшимися рамами и гнилым паркетом. Егор правильно оценил энтузиазм и созидательный блеск в ее глазах и передал ключи и полномочия. Спустя три месяца он с раскрытым ртом стоял посреди квартиры, в которой знакомым казался только вид из окна.

Он в полной мере смог оценить талант самопровозглашенного строителя. Подчинившись семейной традиции, Егор закончил архитектурный вуз, но, получив диплом, так ни разу и не дотронулся до рейсфедера и линейки. После нескольких более или менее удачных попыток открыть свое дело он приобрел съемочные павильоны и мастерские по производству декораций. Егор очень хорошо угадал момент. Реальная жизнь была настолько несовершенной, а порой и невыносимой, что коллективное бессознательное требовало вымысла. Чего только ни снимали одуревшие от своих героиновых фантазий режиссеры и операторы. Однажды Егор приехал в павильоны, занятый телефонным разговором, прошел внутрь еще недостроенной декорации и опешил. Сомнений не было. Егор стоял внутри колоссальной женской вагины. Осмотрев алые стенки и с опаской заглянув в таинственную глубину, он в сердцах плюнул и ушел в кабинет. Но в целом ему нравилось. Дело спорилось, деньги прибывали, а мысль об искусственных мирах, построенных из ДСП и пенопласта под крышей металлического ангара, развлекала.

После беглого осмотра квартиры, Егор убедился в том, что Нина построила идеальную декорацию для их жизни. Пожалуй, он даже не ожидал того, что увидел. Не то чтобы он не верил в Нину, но она всегда казалась ему беззаботной и безалаберной, как ребенок. Она была редактором в небольшом издательстве, после того как они поженились, перешла на договор, на какую работу подписывалась, ту и выполняла.

Егора всегда удивляло, как ей удастся хоть в чем-то навести порядок, ее мир казался ему миром хаоса. У нее всегда все было «наверное» и «скорее всего», а когда она говорила «да-да, конечно», ему казалось, что ничего точно не произойдет. Она с энтузиазмом подхватывала любую идею, но по мере приближения даты запланированного мероприятия — пьянки, поездки или прогулки — ее мозг начинал с энтузиазмом выискивать сотни причин и поводов для отходного маневра. Обаяние было ее второй натурой, ей все всегда прощали, но мысль о том, что в жизни Нины все сшито на живую нитку и держится на честном слове, не оставляла Егора.

Однако насколько он понимал, со своей работой она справлялась прекрасно, железной рукой правила тексты, уверенно расплетая запутанные хвосты деепричастных оборотов и вымарывая ошибки и опiski. Точно так же расправилась она и с хаосом в квартире. Теперь здесь все было подчинено простой и ясной логике. Едва переступив порог, Егор ощутил устойчивое дежавю, казалось, он уже жил здесь. Все было знакомо, вещи стояли на своих местах, в обстановке не было ничего лишнего. Темная мебель, светлые стены. Картина точно там, где надо. Черно-белый шахматный пол, как он любил, на кухне и в ванной. Возможно, он ошибался в Нине, возможно, недооценивал ее способностей. Он думал, что они заедут на час, посмотреть, что и как, а оказалось, можно никуда и не уезжать. И они остались.

Со временем их друзья и приятели перезнакомились между собой. Егор с Ниной ни от кого не прятал

лись, часто обедали и ужинали в компаниях, были желанными гостями и попутчиками, но все же окружающим казалось, что этим двоим вообще-то мало кто нужен. Обычные и не такие как все, в чем-то особенные, а в чем-то совершенно заурядные, они были свежее испеченной парой влюбленных, еще одним вопросом к судьбе, на который та не спешила с ответом, как будто и сама пока сомневалась. Не то чтобы затаясь, но все же многие ждали, получится ли у них что-то или будет как у всех. Это «как у всех» пугало Нину, она часто перебирала их свадебные фотографии, что-то бормоча над ними, словно отгоняя враждебных и завистливых духов.

Конечно, картина их жизни вовсе не была идеальна. Они к этому и не стремились. Время от времени случались ссоры, размолвки, приступы хандры и взаимного раздражения. Но на этот мусор было принято не обращать внимания, отдавая должное масштабу и сочности полотна в целом. Были на этом полотне и едва заметные трещины. Но никто не предполагал, что когда-нибудь они вскроются, превратятся в траншеи и окопы, станут частью батальной сцены, и прекрасной картине придет конец.

Поезд тронулся, и в купе заглянула проводница, предлагая чай и меню из ресторана. Нина только покачала головой. Ни есть, ни пить ей не хотелось. Она достала телефон, чтобы позвонить Егору, но связи не было. Неожиданно для самой себя Нина окликнула проводницу. Та ушла недалеко и с готовностью вновь нарисовалась на пороге.

– Принесите, пожалуйста, вина, – попросила Нина.
– Вам красненького, беленького? – услужливо поинтересовалась женщина.

«Зелененького». Нина поморщилась. Эти миленькие маленькие суффиксы...

– Сухого, белого, холодного.

– Одну минуточку, сейчас принесу.

Проводница исчезла, а Нина подумала, что не сказала, чего хочет, бокал или бутылку. Теперь за нее будет решать эта миленькая женщина.

За окном в темноте пролетали заснеженные поля.

~

Они познакомились в Берлине. Она гостила у друзей. Он приехал по делам – оформлял какой-то заказ. Друзья и дела пересеклись, отменившийся авиарейс и слепой случай свели их в одном доме и усадили за один стол. Они провели вместе вечер, ушли из гостей, не смогли разойтись и до утра гуляли по городу. Стоял капризный май. То и дело набегали тяжелые тучи, начинало отчаянно моросить, потом вдруг прорывало коротким сильным ливнем. Вскоре он стихал, и наплывала волна почти летнего, густого и влажного жара. Пахло сиренью, дизелем и кебабом, и обреченная мошकारа билась в круге света под фонарем, не зная, когда очередной дождевой поток навсегда прервет их веселые танцы.

Из Шарлоттенбурга они направились в сторону вокзала. То выходили на освещенный Кудама*, то пет-

* Сокращенно от Курфюрстендам. – Прим. ред.

ляли переулками. Они шли мимо довоенных жилых домов, похожих на широкие комоды с выдвигаемыми ящиками-балконами. Мимо маленьких магазинов, лавок, салонов, ателье, гостиниц, ресторанов и аптек. Большинство дверей были уже закрыты, из-под некоторых еще проглядывал свет и доносились голоса. Они заглянули в одну из них. Это было кафе. Посетители давно разошлись, на столах ножками вверх стояли стулья-капитулянты. Молодой турок со шваброй при-танцовывал между рядов под музыку в наушниках. У барной стойки, очевидно, хозяин и официантка допивали свое пиво.

Девушка заметила посетителей и покачала головой, давая понять, что заведение закрыто, но хозяин остановил ее и подозвал приветственным жестом. Они довольно долго просидели в баре, потягивая пиво и болтая с хозяином. Его звали Торстен. Жена, Хильда, два года назад умерла. Рак. Дочь все носит по свету, теперь у нее какой-то музыкальный проект и чокнутый жених в Риме. Нужно делать ремонт на кухне. Цены растут, аренда дорожает. Хотелось бы на лето поставить столы на улице, но выходит слишком дорого. Пока они говорили, из-за стойки вышла большая и тихая, как смерть, хаски. Подошла, внимательно посмотрела на них и улеглась в ногах у Нины. Хаски звали Лола, у нее был спокойный нрав и голубой глаз.

Уже было за полночь, когда они попрощались с Торстеном. Лола лизнула руку Егору, и они вернулись в город. Разговор с незнакомцем как-то ободрил их. Теперь обоим казалось, что все взаправду. Уже

кто-то видел их вместе, у кого-то они останутся в памяти вдвоем. Они словно отметились в некоей книге прибытия. И стало проще разговаривать и шутить, она увлеклась и сморозила глупость, он инстинктивно притянул ее к себе, когда на пустом перекрестке загорелся красный.

Егору тогда почудилось, что вокруг не привычный Берлин, а город, специально скроенный и подогнанный под них. Торстен, Лола, эти фонари на Кудаме, случайный прохожий, припозднившееся такси, все это оживало, лишь попадая в их поле зрения, и исчезало в небытии, стоило им отвернуться. И пусть он понимал, что это всего лишь морок влюбленности, ему нравилось. Они с Ниной присматривались друг к другу, пробовали свое новое чувство, как пробуют воду ногой. А вдруг? Вдруг им повезет и они пойдут по воде? Вдруг – вот оно, чудо? Это был их нулевой километр, беззаботная территория. Все было возможно, но еще ничего не началось.

Вскоре они вышли к Zoo, обоим захотелось кофе, и они зашли на вокзал. Там, дожидаясь, пока девушка сварит два эспрессо, он взял ее ладонь в свою руку и поднес к губам. И такой волной накрыло обоих, понесло, закружило, завертело и заморочило. Их кофе давно остыл, а они все стояли, прижавшись друг к другу, словно последние люди, оставшиеся со своей внезапной любовью посреди огромной и пустой земли.

Однако земля была совсем не пустой. Рядом с ними громко разговаривал с бумажным стаканчиком муж-

чина помятого вида. Неизвестно, что отвечал ему предмет, но мужчина то вдруг стихал и сникал разочарованно, то вновь принимался размахивать руками и бормотать что-то неразборчиво, но отчаянно. Они посмотрели на девушку, та пожала плечами. Сумасшедший. Их полно в Берлине. Они уже направились было к выходу, как вдруг мужчина что-то закричал им в спину. Нина не выдержала и обернулась. Потом, позже, когда беспокойный ум примется искать причины их несчастий в прошлом, она будет корить себя и за это. Не надо было оглядываться. Не надо было, чтобы в воспоминаниях того вечера остались эти безумные глаза, с ужасом смотрящие в неизвестность. Как ей тогда казалось, в их неизвестность. Егор не обернулся. Он вывел ее на воздух и вскоре воспоминания о сумасшедшем отступили.

Они пришли к нему в гостиницу. Поднялись в кабине лифта густого зеленого цвета на четвертый этаж. Он прикрыл ей глаза ладонью и повел по длинному коридору. Они все сворачивали и сворачивали, сначала в одну, потом в другую сторону, и Нине начало казаться, что Егор уводит ее, запутывает, замораживает в какой-то новый, другой, свой мир.

Они подошли друг другу, как ключ и замочная скважина. Все словно так и было задумано. Руки, ноги, губы, пальцы: все переплеталось, пело, дрожало, дополняло и переполняло друг друга. Им не нужны были перерывы, они были неутомимы, спешили каждый навстречу своему наслаждению и уже не понимали, чьего достигли. Оба задремали под утро. И сразу пошел

дождь, словно норовя смыть воспоминания ночи, чтобы освободить место для новых.

Те дни промелькнули незаметно и вместе с тем тянулись невероятно долго. Дожди вскоре прекратились, и весь город накрыла желтая пыльца цветения. Берлин чихал. Пчелы сходили с ума. Резвое солнце обжигало кожу. Зонты от дождя сменились зонтами от зноя, и тенты над ресторанами теперь разворачивали, чтобы спрятаться не от непогоды, а от внезапной жары.

Хозяйка гостиницы, миниатюрная голубоглазая блондинка, улыбнулась, столкнувшись с ними на площадке перед лифтом. Они немного смущенно улыбнулись в ответ. Все было понятно без слов. Эта пьянящая весна была так кстати.

Незадолго до отъезда они проснулись на рассвете и поняли, что проголодались. Недалеко на площади работал круглосуточный бар, и они отправились туда. В баре было довольно многолюдно. Пьяные спортсмены, обкуренные юнцы с гитарой, девушки на высоких, очень высоких каблуках. Порочные сливки ночи, прислужники темноты. Они находились совсем рядом друг с другом, но не замечали никого. Даже попки, затянутые в алый латекс, сейчас отдыхали от посторонних глаз. Егор с Ниной вернулись в гостиницу веселые и хмельные и заснули, когда на улице уже гремели жалюзи открывавшихся лавок и кафе.

В следующий раз они встретились уже в Москве. Предчувствие не обмануло. Их тянуло друг к другу, и этому притяжению невозможно было сопротив-

ляться. Брак Егора был на излете, Нина с облегчением смогла сказать своему другу, что пора расходиться, потому что все давно закончилось. Егор и Нина совершили необходимые усилия, и вскоре оказались на свободе. И началось то, что должно было начаться.

Склонная к вечному поиску смыслов даже там, где их могло и не быть, Нина часто рассуждала о том, какую роль они сами сыграли в той встрече. Было ли хоть что-то в их власти? Почему Егор опоздал на свой рейс? Что задержало ее в тот вечер в гостях? Почему все так соединилось и совпало? Казалось, их обоих, словно пешки в игре, разменяли силы, о которых, к сожалению, а может, и к счастью, они не имели ни малейшего представления. Эти силы присмотрелись, прицелились, и вот одно такси опоздало на полчаса в пустом городе, а другое, повинувшись необъяснимому порыву, отпустили.

Как часто что-то очень важное в жизни происходит словно само по себе, без нашего участия. Ты стараешься, строишь планы, составляешь расписания, а потом невидимая рука внезапно переключает невидимую стрелку, и невидимый поезд направляется в совершенно другом направлении или сходит под откос невидимых путей. Будущее подкарауливает тебя, пока ты чем-то занят и ничего не ждешь, и выскакивает из-за угла, поражая эффектом внезапности. Меняет жизнь. Меняет тебя. Все меняет. Здесь ничего не подстроишь, не приманишь и не призовешь. Здесь очень мало зависит от нас. Мы заблуждаемся, думая, что крепко держим судьбу в своем кулаке. Не хоте-

лось бы услышать, как в этот момент она над нами смеется.

Распивая в ту ночь в поезде бутылку белого, а именно бутылку принесла ей сообразительная проводница, Нина думала, что бессмысленно бояться. Именно то, чего мы опасаемся, обязательно случится. Мы как-то видим наперед, но только от этого ничуть не легче. Ей хотелось верить, что она ошибается. Что предчувствия обманывают ее и она просто слишком много боится и слишком много хочет. Но поезд не стоял на месте, он увозил ее в другой город, прочь от дома и Егора. И уже в одном этом не было ничего хорошего.

~

Затор на ночной дороге отвлек Егора от его мыслей. До этого он неспешно катился в сторону дома по Садовому кольцу под аккомпанемент какой-то нервной и неровной музыки. Он притормозил. Да, впереди была натуральная пробка. Егор внезапно понял, что звук в машине уже давно выводит его из себя. Он с раздражением выдернул диск из проигрывателя. Шостакович. Нина... Он бросил диск на соседнее сидение. «Ленинградская симфония». Ну, туда ей и дорога.

Движение замедлилось и на некоторое время совсем остановилось. Егор выглянул в окно. В темноте тревожно мерцали синие маяки скорой. На дороге что-то случилось. Поток тронулся, и вскоре Егор поравнялся с местом аварии. Это было лобовое столкновение. Второй машины не было видно, ударом ее отбросило далеко в сторону. Черная иномарка, вокруг которой сновали медики и полиция, осталась в своем

ряду, но ее развернуло на месте. При виде машины Егор инстинктивно отвернулся, но успел разглядеть, что за рулем была женщина, рядом с ней на пассажирском сидении, откинувшись, лежал мужчина. Окровавленные подушки опали в ноги. Здесь нечего было ловить. Смерть прошла своим чередом. Он уже почти проехал мимо, но в последнее мгновение не выдержал и еще раз выглянул в окно. Голова женщина склонилась к плечу, и мертвые глаза смотрели прямо на него. Пробка закончилась. Егор рывком вывел машину на свободную полосу, нашел волну с пустой и легкой музыкой и прибавил скорость.

Что-то страшное осталось у него за спиной. Но он ехал вперед. Его дорога еще не закончилась.

~

Нина быстро захмелела. Она сидела с бокалом за столом и отсчитывала пролетающие стороной фонари. На сорок пятом сбилась. Хотела было начать по новой, но передумала. Подняла бокал и чокнулась с пустотой.

— Приятного путешествия.

Ей казалось, она знала, когда все началось. Несколько лет назад они с Егором оказались в богом забытой деревне, в глуши, между двумя провинциальными городами. Города и сами-то были невзрачными и унылыми, а пространство между ними и вовсе напоминало безжизненный пустырь. Они плутали в поисках заправки, не рассчитали с бензином или маслом потекло, уже и не вспомнить. И кривая дорога, на которую они в отчаянии свернули, увела их куда-то не туда.

А потом они застряли в той деревне. Машина встала. Связь барахлила. Вопрос о Wi-Fi вгонял местных в ступор. Егор простыл. Они устроились в избе у какой-то тетки, позвонили друзьям с почты, кое-как объяснили, где находятся и как их спасать, и тут пошел дождь. Он лил, не переставая, и уже к вечеру стало понятно, что никто сюда не проедет и никуда они отсюда не денутся. Это была ловушка Макондо.

Дороги размыло, часто отключали электричество, местные пили самогон и разводили руками. Оставалось ждать. Было тоскливо, они почти не разговаривали. Егор целыми днями чихал и валялся с книгой в постели, часто отвлекался от чтения и что-то писал в телефоне. Что? Кому? Она не спрашивала. Здесь, вдали от суеты привычной жизни, как-то очень заметно стало отчуждение, возникшее между ними. Нина была готова поклясться, что еще немного и, совершив над собой небольшое усилие, он научится различать предметы у нее за спиной.

Она часами сидела в одиночестве на крыльце. Дождь шумел так отчаянно, будто хотел достучаться до нее, о чем-то предупредить, о чем-то напомнить, но она была глухой и глупой и не понимала его тревог. Она попеременно курила, читала, пила кислое вино из местной лавки, наконец, разочаровалась во всем, смирилась и затихла, невидящим взглядом уставившись на дождь. Время словно замерло.

И вдруг где-то между картошкой на обед и картошкой на ужин она поняла, что не хочет возвращаться домой. Это удивило ее. В этой дыре не происходило

ничего. Остановившееся время, непролазная грязь, тощие коровы, которые даже молоко давали неохотно, и было оно неаппетитным на вид, вкус и запах. Это место было пробелом, бессмысленным тире в жизненном пространстве. Но сидя на отсыревшем крыльце и глядя на дождь, Нина поняла, что домой ее не тянет. Ее вообще никуда не тянуло. Как будто для нее вдруг не стало места на земле. Незачем было оставаться, и некуда было спешить. Она не была нужна здесь, но не было нужды в ней и где-то там.

Нина сошла с крыльца. Дождь обрушился всей тяжестью, казалось, что ее, как беспомощного жука, смое с поверхности земли.

Промокшая насквозь, она вернулась в дом. Егор спал или делал вид, что спит. Она позвала его, и, не дождавшись ответа, принялась переодеваться в сухое. Странное беспокойство преследовало ее. Тогда Нина еще не знала, что оно пришло надолго.

~

Неожиданно быстро вино закончилось. Нина недовольно потрясла бутылку над стаканом. Горестно, как слеза, упала последняя капля.

— Ну вот это же ерунда какая-то, ну почему все всегда так получается, вот только человек почувствует что-то... ну, какое-то... ну, необыкновень какую-то, сразу все заканчивается? Все так придумано, что... ой! — Нина запуталась в сапогах, споткнулась, чуть не упала, но все-таки как-то вывернулась и выпала из купе в коридор.

Было поздно и пусто, весь вагон давно спал. Ворча себе под нос и болтаясь по коридору, как мягкий маят-

ник, Нина прошла в туалет, а когда вернулась обратно, поняла, что не помнит номера купе.

— Номер, номер, какой же у меня номер... — бормотала она, рассматривала зловещий ряд совершенно одинаковых дверей.

Нина не знала, что и делать. Внезапно накатили беспомощность, сонливость и жалость к себе. Захотелось плакать. И воспоминания зашпешили, обгоняя друг друга.

Как-то летом они изнывали от жары в Венеции. На Сан-Марко даже в полночь не было воздуха. Егор с Ниной бродили по набережным и мостам в поисках сквозняков. Тщетно. Город словно впал в безумие от недостатка кислорода. Лагуна спала в обмороке, стоячая зеленая вода дрожала, как желе, и ветер забыл дорогу в рай.

Они привычным путем брели на парковку, обратно к *Пьяццале* Рома. Перебрались через канал, свернули в одну сторону, потом в другую, и вдруг встали. Мелкие улочки и площади здесь мало отличались друг от друга, но это место выглядело совершенно незнакомым. Прохожих не было, и фонарь откуда-то сбоку подсвечивал две одинокие фигуры в каменном мешке. Они переглянулись, пожали плечами и пошли дальше. Это Венеция. Рано или поздно здесь все равно куда-нибудь выйдешь. Как бы не так! Прошло минут двадцать. Они опять стояли на той же площади, и фонарь опять светил им в бок.

Прошло еще двадцать минут. Потом еще. И еще. И словно ловушка захлопнулась. Каким бы путем они

не шли, а они опробовали один за другим все выходы, лабиринт пустых улиц упорно выводил их на безымянную площадь. Они попробовали идти по указателям-стрелкам, порой просто нацарапанным на кирпичных стенах, но не тут-то было, в ту ночь все стрелки словно сошли с ума и показывали то на луну, то под воду. Силы были на исходе.

Они опять стояли на той же площади, и не было ничего: ни запахов, ни звуков, ни шагов, ни людей, ни кошек, ни голубей, ни выходов, ни входов. Только жара. И пустые надменные глазницы мраморных ангелов, равнодушно смотрящие мимо людей. Егор с Ниной не знали, как оказались здесь и что надо сделать, чтобы выскочить, вырваться из этого пустого, мертвого и горячего как ад мира. Вернуться в гостиницу. В кровать. В жизнь. Но ночь не унималась. И вдруг стало по-настоящему страшно.

Нина с тревогой и надеждой посмотрела на Егора, но сейчас и он был растерян. Они стояли посреди площади, безнадежно отставшие и потерявшиеся, как вдруг в этой одуряющей жаре... пошел снег. Белые хлопья парили в воздухе и медленно опускались на землю. На секунду Нине показалось, что они давно спят. Кондиционер в номере сломался, и жара навела кошмар.

— Diavolo! Che fate, piccoli bastardi?! — раздалось откуда-то сверху.

Они задрали головы. В ночной тишине на балконе палатки два юных хулигана потрошили огромную подушку. Свободные перья отправлялись в последний полет, кляня курицу за то, что при жизни она была

не вполне птицей. За этим занятием кучерявых рагаци застучала толстенная матрона с растрепавшимися косами на полных плечах. Пока она раздавала тумачи и подзатыльники, Егор и Нина встрепенулись.

— Синьора, — закричали они дурными голосами, — синьора! *Piazzale Roma? Dove?*

Она отвлеклась от расправы и свесила свой клюв с балкона.

— *Piazzale Roma? Dritto! Dritto!* — Она замахала руками в разные стороны.

И словно мир расколдовали. Из какой-то подворотни пахнуло прохладой и мочой, ударили часы, шевельнулась волна, зевнул то ли невидимый кот, то ли мраморный лев, и нужная площадь появилась за первым же поворотом. Парковка, машина, дорога сквозь ночные поля и стрекот цикад. Они не помнили, как добрались до гостиницы, и вскоре без сил повалились на кровать. И их сон, как и страх, был одним на двоих...

Нина зажмурилась и рванула первую попавшуюся дверь. Это было ее купе.

— Пьянь, — утирая слезы, проворчала она, закрывая за собой замки и отгоняя воспоминания.

Она уже почти спала, когда ей послышалось, что сквозь стук колес кто-то зовет ее.

— Нина-Нина, куда ты, куда ты? — спрашивал незнакомый голос.

— Не знаю. Никуда. Вперед. По кругу.

Нина заснула.